ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАУКИ

Яницкий О. Н.,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.*

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация. Население планеты, включая Россию, столкнулось сегодня с беспрецедентной критической ситуацией. «Наложение» политических, экономических, социальных, климатических и биологических критических структур и процессов свидетельствует, что монодисциплинарный подход к исследованию глобализации недостаточен, ее изучение должно иметь междисциплинарный характер и учитывать пространственно-временные параметры названных сил. Соответственно, человечество сегодня не только объект их совокупного воздействия, но и агент их изменения и предупреждения. Фактически это уже гибридная война против человечества, и технологически-ориентированный мир не способен противостоять совокупности названных выше вызовов. Этому может противостоять только союз различных наук, политических сил и гражданских организаций. Если сегодня на первый план вышел биологический фактор, то завтра он может смениться климатической или геополитической проблемой. Однако человечество не хочет признать, что природные процессы — такой же фактор глобального действия, как бизнес, политика, статистика, научные открытия и новые технологии. Поэтому я называю сложившиеся условия критическими. Это — не очередной экономический или политический кризис, а именно критическое состояние всего человечества и среды его обитания. Поэтому сегодня главной задачей является не «устойчивое развитие», а усилия по спасению человечества, восстановлению экологии, соединенные с критическим осмыслением глобальной гео-

политики и достижений в сфере науки и техники. По моему мнению, российская социология способна играть ведущую роль в достижении названных целей.

Ключевые слова: биология, будущее, гражданская активность, глобализация, изоляция, наука, образование, пандемия, Россия.

GLOBALIZATION: THE NEW CHALLENGES TO THE SCIENCES

Yanitsky Oleg N.,

Doctor of Philosophy, Professor,

Chief Researcher,

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. Our world including Russia as well as all sciences have recently encountered with unprecedented critical situation. Actually, it's already a hybrid war against humanity, and a technologically-constructed world is incapable to meet a couple of the above challenges. The interactions of the political, economic, social, climatic and biological processes are clearly showed that a mono-disciplinary method of global studies has been insufficient. The globalization should be investigated as an interdisciplinary phenomenon which is developing in the space-time parameters. Accordingly, humanity isn't an object of their complex impact but as the active agent of their prevention. And this agent is a union of various sciences, political forces and civil organizations. If nowadays a biological challenge came to the forefront but tomorrow it may be replaced by the geopolitical or climatic issues. But up to now humanity rejects to recognize the natural forces are the same factor of global transformations as a business, politics, sciences and new technologies. It's one more reason to see the current situation as the critical one. We have to understand that we aren't in an economic or political

crises but it's a do crucial state of humanity and its living environment. Therefore, recently, our main goal not a sustainable development but the mobilization of all resources at hands in order to save humanity combines with critical comprehension of current global geopolitics and scientific and technological achievements. I'm deeply convinced that Russian sociology is able to play a leading role in that work.

Keywords: biology, civil activism, education, future, globalization, isolation, pandemic, science, Russia.

Оценка сложившейся критической ситуации

Пандемия, как и две мировые, и множество локальных войн, — еще одно свидетельство, что односторонний подход к изучению глобализации исчерпал себя и должен быть заменен многосторонним, т.е. междисциплинарным анализом современной геополитики и ее социальных и экологических последствий. В истории человечества уже не раз случались пандемии (чума, холера, испанка, вирус Эбола, птичий и свиной гриппы и др.). Однако человечество и его наука до сих пор не хотят признать, что *природные процессы — такой же фактор социального действия, как бизнес, политика, данные статистики, научные открытия и новые технологии.*

Когда-то великий русский историк В. Ключевский сказал, что история никого не учит, а только строго наказывает за ее незнание. Поэтому сегодня с полным правом можно утверждать, что история природных аномалий тоже ничему не учит, но наказывает не менее строго.

Именно поэтому я называю сложившиеся в мире условия критическими, т.е. всеохватывающими. Экономические и политические кризисы возникают и периодически преодолеваются, однако сегодня мы имеем дело именно с критическим состоянием всего человечества и среды его обитания. Поэтому сегодня первоочередной задачей являются не поиски мифического «устойчивого развития», а объединенные усилия по

спасению человечества, восстановлению среды его обитания, соединенные с критическим осмыслением глобальной геополитики и достижений в сфере науки и техники. Ученые и прежде всего специалисты в области общественных наук, включая социологию, должны критически переосмыслить фундаментальные принципы глобальной динамики.

Это не означает, что я выступаю против рыночных отношений как главного «драйвера» социально-экономического развития всего общества. Я выступаю за гуманизацию этого способа развития человечества посредством постепенной его трансформации из состояния конкурентной борьбы любыми средствами в форму взаимовыгодного сотрудничества. В противном случае, как показала пандемия, неизбежно произойдет остановка и даже распад механизма функционирования глобального рынка, сопровождающиеся множественными экономическими, социальными и другими невосполнимыми потерями. Замечу, что подобная отрицательная динамика глобального целого будет неизбежной, если человечество отдаст бразды правления ею в руки «умных машин». Дистанционный труд не должен превратиться в тотальную самоизоляцию всего населения.

Великий социолог З. Бауман первым описал в терминах социологии, что есть «индивидуализированное общество», но он же через полтора десятка лет показал, к чему может привести всеобщая индивидуализация жизни и труда рядовых граждан, где бы они ни жили [Bauman, 2001, 2017]. «Человек — общественное животное» (Аристотель), и поэтому оно не может долго существовать как совокупность миллионов изолированных друг от друга ячеек. Как сохранить баланс между «включением» во всеобщую сеть и «обособлением» от нее в непрерывно меняющихся социальных, экономических и природно-климатических условиях — эта задача решается каждым индивидом отдельно в зависимости от конкретной ситуации. А вот как ее решить в глобальном масштабе — это до сих пор не решенная проблема именно потому, что степень интеграции социальных, естественных и технических наук все более отстает от способности этих наук вырабатывать нужные

решения в зависимости от характера сложившейся ситуации и скорости ее изменения.

Отставание развития науки как социального института от скорости распространения пандемии и разработки необходимых антидотов для борьбы с нею — очевидный тому пример. Причем речь идет не о количественном наращивании объема научных исследований, а о всемерном развитии их совокупного прогностического потенциала. Пора, наконец, начать строить нашу повседневную жизнь на принципах комплексного предвидения локальных и глобальных событий, каким бы конкретным явлением они ни вызывались, социальным, биологическим или технологическим. Пора, наконец, преодолеть инерцию глобального мышления человечества, которую У. Бек называл непрерывной борьбой с «побочными последствиями» (with the after-effects) [Бек, 2000, 2001].

Я с глубоким уважением отношусь к работам Б. А. Грушина, пионера в области развития в нашей стране массовых опросов общественного мнения. Но сегодня уже видно, что подобные опросы дают слишком обобщенные и кратковременные результаты. Поэтому, на мой взгляд, исследования бюджетов времени (работы В. Д. Патрушева и его новосибирских коллег) давали больше возможностей для социального прогнозирования и проектирования. Я обсуждал эту проблему с проф. Грушиным незадолго до его ухода из жизни. Его вердикт был однозначным: тогда, в 1960-х гг., и позже массовые опросы общественного мнения давали ощутимый прогностический результат, однако в 2000-х гг. — уже нет, именно вследствие резкого изменения экономической и политической ситуации, ее непрерывного изменения и ускорения.

Уже принятые меры по всеобщей и взаимной изоляции граждан, несомненно, дадут некоторый результат, но результат сугубо временный, потому что «изоляция» к тому времени уже успеет разрушить миллиарды производственных и социальных связей и цепочек. Если изоляция будет продолжаться неопределенно долго, то произойдет полная остановка механизма функционирования огромной страны с множеством ее внутренних и внешних связей. Возникнет извечный вопрос: что делать?

Попытаться восстановить прежнюю структуру глобализации с уже известными нам опасностями и рисками? Или же — создавать совершенно ее новую структурно-функциональную организацию, но тогда на какой теоретической основе, и где взять для этого необходимые для этого материальные, научные и человеческие ресурсы?

Роль времени как регулятора критического состояния общества

Время глобальной критической ситуации — это довольно сложная проблема, потому что этих времен несколько, и они могут не только переплетаться, ускоряться и замедляться, но и влиять друг на друга.

Первое время — это время, когда ученые и специалисты узнают о самой возможности возникновения критической ситуации как таковой. Здесь все зависит от степени подготовленности ученых и специалистов к такой атаке, с одной стороны, а с другой — готовности к ней разных категорий населения. Но, как потом выяснилось, это время у разных возрастных и социальных групп будет различным. Например, одни сразу подчиняются указаниям или директивам властных структур, вторые говорят «подождем — увидим», а третьи считают, что это очередная пропагандистская акция властей, а в действительности «пошумят и перестанут»! И такие мысли не лишены основания, т.к. власти, особенно на местах, всегда ждут указаний «сверху».

Второе время — это время начала критической ситуации, когда многие полагают, что это где-то там далеко, в Китае или другой стране, а дойдет ли эта «волна» до РФ, еще неизвестно. Именно такая ситуация была и у нас, поскольку меры по ее предупреждению или борьбе с нею в России явно запоздали. Здесь есть и объективный фактор: одно дело заявление Президента РФ о грядущей опасности, и совсем другое, кто и в какие сроки должен будет разрабатывать конкретные меры противодействия (в данном случае против распространения пандемии и мобилизационной готовности нашей медицины).

Третье время — это разработка, тестирование и апробация вакцин против данного заболевания. Тут мнения сильно разошлись: одни специалисты говорили, что на это нужно не менее года, тогда как другие утверждали, что необходимую вакцину можно создать посредством модификации уже имеющихся вакцин. В общем, этот вопрос пока остается открытым.

Четвертое время — это время, необходимое для подавления пандемии или другой эпидемии. Здесь возникает множество сопутствующих вопросов: есть ли уже необходимая вакцина и в достаточном ли количестве? Сколько и где нужно койко-мест? Как быстро их можно создать или освободить? Откуда взять столь большое число врачей и младшего персонала? Какой должна быть логистика таких чрезвычайных и весьма затратных мер?

Пятое время, которое непосредственно следует за предыдущим периодом, — это время пост-катастрофной адаптации людей, так или иначе подвергшихся воздействию критической ситуации. Это, в частности, время, когда выздоровевшим, но ослабленным болезнью людям, нужна самая разная помощь. Например, продолжить лечение, улучшить свои жилищные условия, требуются деньги на лекарства, сиделку и т.д.

Общим знаменателем всех названных выше временных периодов являются ресурсы для решения всех поименованных выше задач, но в определенное время. Иначе возникает двойной риск. С одной стороны, если ресурсов будет недостаточно, то все названные выше меры не будут реализованы. С другой стороны, в каком соотношении должны распределяться ресурсы на сохранение здоровья населения и на спасение, например, бизнеса и всей его инфраструктуры?

Прошлое, настоящее и будущее научного знания

Если очень кратко, то прошлое научного знания состояло в изучении связи земных социальных и космических (галактических) процессов. Задача ученых глубокой древности заключалась в подчинении земных структур и процессов тем, что происходят в галактике. Этот подход сохранился и по сей день,

но в форме уже фиксированных ожиданий трансформации земной жизни в соответствии с фазами космических перемен. Привычное для нас деление на времена года изначально родилось именно таким образом. Поэтому условно можно утверждать, что человечество изначально жило и до сих пор живет по космическому календарю.

Однако не отказываясь от этой связи, люди в процессе труда и других своих функций жизнеобеспечения постепенно стали изучать свойства и процессы окружавшего их земного мира. Этому повороту немало способствовало освоение этого мира, сначала ближайшего, а потом все более отдаленного. Сначала это было опытное знание, а позже стало развиваться и теоретическое мышление. Возникло различие между традициями, религиозными представлениями и собственно научным знанием. Однако и на этом этапе человеческого познания «прогнозистами» грядущего будущего были, прежде всего, высшие силы, а также предсказатели и гадалки.

Начиная с XVII века и позже (эпоха Просвещения) начался процесс дифференциации наук, который продолжается сегодня. И дело здесь не только в возникновении все новых отраслей научного знания, но и в бюрократическом удобстве такого разделения с точки зрения организации исследований, их финансирования и отчетности. Тем не менее в самых разных отраслях научных исследований периодически возникала необходимость в соединении (объединении, комбинировании) нескольких направлений научных исследований. Однако институциональная разобщенность отраслей науки сильно мешала этому процессу. Тем не менее он быстро развивался, прежде всего, в сфере естественных наук, а также в тех отраслях естествознания, где сама жизнь диктовала необходимость междисциплинарного подхода, как, например, в антропологии.

Сегодня ситуация совершенно иная. Еще пять лет назад социологи писали о наступлении периода «турбулентности», однако она несравнима с современной ситуацией тотальной неопределенности и множества рисков для здоровья и жизни человека. Причем сам характер этой ситуации изменяется не по дням, а по часам! Все меньше остается того, к чему мы

привыкли, будь то характер работы или отдыха, отношения «дети–взрослые», «молодые–старики» и т.д. Все это в совокупности означает, что без междисциплинарных исследований, в основе которых лежит *изучение метаболических, т.е. взаимных качественных трансформаций*, исправления или смягчения критических ситуаций не обойтись никак.

Но у отслеживания процессов метаболизма есть другая сторона, это — всеобщее наблюдение, слежение и оценка состояния здоровья и кармана человечества. Наблюдение и слежение, которое осуществляется административными органами якобы в целях «оптимизации» общественного порядка. Так что перед социологами, занимающими активную гражданскую позицию, стоит двойная задача: максимально быстро освоить метаболический подход и защитить права людей на частную жизнь.

Как изучать глобальные метаболические процессы?

Их исследование, как и всякое другое, имеет несколько фаз (стадий). Сначала надо определить, какую конкретно опасность или их сочетание исследователь должен изучить. Одно дело, когда это вирусная пандемия, другое — резкая перемена климата, третье — это геополитический конфликт глобального масштаба (например, борьба за дефицитные ресурсы) и т.д.

Далее, как правило, эти вызовы могут сочетаться или действовать последовательно, т.е. когда одна опасность порождает другую или они действуют совместно. Эта ситуация в научной литературе получила название «комплексной» [Keen, 2008]. Но в данном случае «комплексность» следует понимать как сочетание разнородных факторов или сил, которые не обязательно изменяют друг друга. Как показал, например, канадский исследователь Р. Мэрфи [Murphy, 2009], суть возникшей проблемы состояла не столько в понимании опасности тех или иных факторов риска, сколько в несогласованных действиях государственных и муниципальных служб и разделении между ними сферы их действий и ответственности. Опять же, метаболические трансформации в этом и подобных случаях были, но

на них обращали внимание только тогда, когда катастрофа уже произошла, и надо было ликвидировать ее последствия. Иными словами, ситуация в данном случае развивалась по сценарию, описанному У. Бекон: все силы бросались на ликвидацию последствий конкретной катастрофы [Бек, 2000].

Следующий этап в развитии науки о критических ситуациях — *это гибридные системы и гибридные войны* [Бартош, 2018, 2019a, 2019b; Yanitsky, 2019], которые сегодня исследуются военной наукой и специалистами в области стратегии и тактики борьбы с критическими ситуациями [Yanitsky, 2014]. Однако самый простой пример гибридной системы — это самолет, автомобиль, другое стационарное или движущееся в пространстве техническое устройство, в котором все его системы хорошо пригнаны друг к другу и действуют как единое целое, то есть это единый технический организм, сконструированный человеком. Но и у него есть, как минимум, три типа уязвимостей.

Первая, это когда одна из его подсистем выходит из строя, и данная конструкция перестает работать как единый организм. Напротив, он теперь становится опасным для человека. Вторая уязвимость — это его зависимость как от его энергетической системы (некачественное топливо, обрыв в системе энергоснабжения и т.д.), так и от внешних погодных условий. Третья уязвимость — это плохая подготовка пилота (водителя) и всего персонала, как летного, так и наземного. И в этом виноват не только сам персонал, но и слишком поспешный переход к подготовке летного состава на «кнопочную систему» управления процессом движения в воздухе или на дороге. Вариантов реальных критических ситуаций все еще много больше, чем тех, которые отрабатываются в классах или на тренажерах.

Но и это еще не все. Если в результате аварии есть пострадавшие, то их должны осмотреть и лечить те врачи и персонал, который прошел суровый тренинг в полевых условиях войны. То множество врачей, которые сегодня трудятся в городских и районных больницах, при всем их желании оказать срочную и нужную медицинскую помощь не смогут.

В современной военной науке понятие «гибридная война» используется весьма широко, но в этих исследованиях речь

идет о сочетании разных стратегий и тактик военных действий, о принципах взаимодействия разных родов войск и т.п., но не воздействии одних действий на другие. По существу, с моей точки зрения, речь идет не столько о гибридности, сколько о комплексности и координации действий различных военных подразделений и служб тыла. Мой дед, сначала земский врач, а потом военный и санитарный врач, ученик Н. И. Пирогова во время Русско-турецкой войны, а позже — участник Русско-японской и Первой мировой войн, прошел эту суровую школу.

Реальные метаболические процессы происходят ежеминутно во всех без исключения сферах жизнедеятельности живых организмов независимо от их размера, степени сложности и среды обитания. Исторически человек уже давно научился вмешиваться в эти процессы, используя разные травы, корневища и другие вещества растительного и животного происхождения. Однако главный метаболический процесс, обеспечивающий жизнедеятельность всего живого, это солнечная энергия, различные виды электромагнитного излучения и, конечно, круговорот вещества и энергии в биосфере и в самих живых организмах. Чем больше человек вмешивается в эти естественные процессы, тем выше риск возникновения социально-экологических катастроф разного масштаба. Со временем человек научился создавать природно-подобные материалы, которые начинают вытеснять использование искусственных материалов для протезирования и т.д. Создаваемые человеком химические реакции между технологически-сконструированными предметами (машинами, механизмами и т.д.) я не отношу к ряду метаболических трансформаций. Однако если химические вещества или их радиоактивное излучение оказывает воздействие на жизни живых организмов, тогда это метаболические процессы.

Индивидуальное и коллективное поведение в критической ситуации

Я в полной мере осознаю, что внезапно возникающая ситуация практически полной изоляции людей друг от друга является для подавляющего большинства населения планеты совершенно новой, за исключением, может быть, ученых и некоторых

деятелей искусства. Подавляющее большинство населения планеты уже много веков привыкло быть в среде своих, будь то родные и близкие, военные или гражданские и т.д. в любое время дня и ночи. Более того, такая возможность быть индивиду где-то далеко, но в то же время «на связи» с другими всегда придавала современному человеку ощущение защищенности. Индивид всегда знает, что даже во время отдыха он включен в сеть, которая его может в любой момент связать с любым человеком в любой стране.

Сегодня эта постоянная «включенность» в глобальную сеть не может спасти человека от пандемии коронавируса или любой другой пандемии. «Включенность» остается, но она оказывается недостаточной для спасения жизни — нужна изоляция или самоизоляция, а для этого соответствующие средства гигиены и защиты и т.д.

Тем не менее тип и характер поведения индивида зависят от архетипа конкретного общества, его внутренней организации, международных связей и многого другого. Человек, действительно, общественное существо, но именно поэтому его поведение зависит от конкретных обстоятельств места и времени. В Саудовской Аравии один тип поведения, в Китае — другой, в России — третий. Например, в Москве, несмотря на строгий режим изоляции и самоизоляции, ее жители и туристы еще долго гуляли, где хотели, пользовались услугами общественного транспорта, а также услугами кафе и ресторанов «с черного хода», магазинов, где отоваривались в ситуации острой необходимости и т.д. Тогда как, например, в плотно населенной Индии режим изоляции с самого начала носил всеобщий, если не тотальный характер.

Эта проблема требует самостоятельного исследования, однако замечу, что архетип «мобилизационного поведения», присущий советской эпохе (который мог быть как добровольным, как, например, мобилизация на освоение целинных и залежных земель, так и принудительный, как в условиях военного времени) с переходом России к рыночному хозяйству сильно изменился. Сегодня мобилизационный тип поведения скорее присущ всем тем, кто хочет заработать, причем заработать любыми способами, легальными или криминальными. Одновременно

сформировался слой «золотой молодежи», для которой никаких указов и предписаний просто не существует. Мало того, что эта молодежь является потенциальным разносчиком вируса, она к тому же служит образцом поведения для тех, кто хочет выбиться в люди любыми средствами.

Однако сказанное не означает, что вся молодежь именно такая. В России существует глубокая традиция взаимопомощи «всем миром», имеющая глубокие корни в ее социальном и, в частности, крестьянском прошлом [Степанский, 1980, 1982; Миронов, 1999; Яницкий, 2012; Schmidt, 1924]. Несмотря на форсированную индустриализацию и коллективизацию 1920–30-х гг., эта традиция не умерла. Она ушла вглубь общества в организации помощи беспризорным детям, в детские дома и интернаты, во взаимопомощь в больших коммунальных квартирах городов, осталась в форме беззаветной верности и ответственности домработниц в случаях ареста одного или всех членов семьи и т.д.

К сожалению, эта тема не пользуется популярностью в научной литературе по социологии, особенно потому, что современные «помощники» или сиделки интересуются только степенью наполненности их собственного кармана. Такие чувства, как преданность, ответственность, долг перед малыми детьми или больными, или ответственность за сохранность доверенного им имущества сегодня все чаще вытесняются «чистоганом». Это уже не члены семьи и даже не добровольные помощники (волонтеры), а наемные работники «от и до». Наемные бебиситтеры — лучший тому пример. Те, кто побогаче и посильнее, усиливают охрану своих индивидуальных домов, закупают не маски и дезинфицирующие растворы, а средства самообороны (гладкоствольное и нарезное оружие или, как минимум, бейсбольные биты) под видом инвентаря, необходимого для охоты.

Дистанцирование: временная мера или новый тренд?

С исторической точки зрения, в виртуальном общении нет ничего принципиально нового. Люди всегда стремились сократить расстояние между ними посредством разных средств:

почтовых голубей, стрел с прикрепленными к ним записками, гонцов и нарочных, а позже при помощи технических средств, телеграфа, телефона, различных форм видеосвязи и т.д. Возник даже специальный термин: «сокращение расстояния посредством времени» (*inversion of the space into time*).

Сегодня виртуальное общение людей, не только между собой, но и с природой и техническими средствами, посредством информационно-коммуникационных сетей — это уже норма нашего времени. Однако оказалось, что отставание в развитии генетики и микробиологии пришлось «компенсировать» посредством всеобщей изоляции людей друг от друга: чтобы не заразиться и не заболеть, нужно снова соблюдать пространственную дистанцию между индивидами и группами.

Казалось бы, ничего нового, это просто временная мера предосторожности. Но дело не так просто, как выглядит на первый взгляд. Несмотря на очевидный факт необходимости для индивидов все время быть в виртуальном контакте (сегодня люди ходят по улицам, уткнувшись в свои смартфоны), они не были готовы оказаться в полной пространственной изоляции, что вначале пандемии представляло для городских и других коммуникационных служб серьезную проблему. Лишь постепенно и под давлением всевозможных санкций городское население стало постепенно, хотя и с нарушениями, самоизолироваться.

Параллельно возникла практика виртуальных представлений, концертов и даже свадеб, семейных застолий.

Самое интересное, что люди, изголодавшись по межличностному общению, с удовольствием и благодарностью восприняли этот виртуальный коллективизм, который к тому же мало отличался от уже существующих видеоконференций, от дискуссий по скайпу и т.п. Однако здесь возникает принципиальный вопрос: что это — всеобщий и всеохватывающий тренд или же все же вынужденная и временная мера?

Зарубежные и отечественные технократы полагают, что пандемия даст новый мощный импульс к развитию информационных технологий, включая дистанционное наблюдение, лечение, консультирование больных и престарелых и т.д. Однако есть и другой, не менее важный результат.

Изменение глобальной повестки дня и роль России

Снова приходится говорить о том, что во время глобальных критических ситуаций изменяется характер взаимодействия между противостоящими сторонами. Так было после Отечественной войны 1812 г., также было во время Второй мировой войны и после нее, когда у противостоящих сторон был общий враг. Экономическая или политическая необходимость конкретного момента заставляла конкурирующие и даже враждебно настроенные друг против друга страны сотрудничать, оказывать взаимную помощь, обмениваться информацией, специалистами и т.д.

Конечно, это был не идейно-политический союз, а взаимодействие и взаимопомощь, основанное на общности конкретных интересов. Именно так родилась Лига Наций, а после Второй мировой войны — Организация объединенных наций. Однако скоро интересы Советского Союза и стран социалистического лагеря, с одной стороны, и стран развитого капитализма, с другой стороны, снова разошлись.

Несколько позже возник так называемый «третий мир», мир стран, борющихся против колониализма, за свою национальную независимость и экономическое развитие. Естественно, что страны капиталистического и социалистического лагеря стремились подчинить страны «третьего мира» своим интересам. После распада СССР и нарастающей мощи коммунистического Китая глобальная геополитическая ситуация снова изменилась. Одновременно стало очевидно, что ООН или Европейский Союз не в состоянии существенно влиять на мировую геополитическую ситуацию. Так, недавний саммит G20, несмотря на все правильные слова и принятую резолюцию, никак не повлияли на ситуацию с коронавирусом и на вызванную им пандемию.

Однако снова повторяется уже известная нам ситуация. Например, повестка о резко снижающейся стоимости бочки нефти или о ситуации в Сирии ушла на задний план, а вперед вышли проблемы научного и практического сотрудничества в борьбе с пандемией.

Выводы: задачи для науки

Состояние, в котором сегодня пребывает человечество, включая Россию, — это «гибридная биологическая война». Уже очевидно, что оно в очередной раз опоздало с подготовкой к ней по всем направлениям: неверно оценили скорость и масштабы распространения грядущей опасности; слишком долго надеялись «авось пронесет» и на этот раз; правящий класс ведущих стран, занятый проблемами внутренней политики, никак не мог принять необходимых мер защиты населения. Власти не знали, с чего начать: сначала спасать бизнес или людей; не произвели и не запаслись необходимыми мерами защиты и диагностического оборудования и т.д. Но главное, политики никак не могли предположить, что главным источником этой войны является не государство или группа экстремистов, а какой-то вирус.

Как и предполагал У. Бек, человечество продолжает жить по принципу борьбы с уже наступившими последствиями, не опираясь на некоторую коллективную модель «предвидимого будущего» [Бек, 2001].

Изоляция и самоизоляция людей — простой, но пассивный способ борьбы с пандемией. Он весьма действенен, но на короткий срок, а потом веками формировавшаяся структурно-функциональная организация глобального сообщества начнет саморазрушаться с выделением гигантских объемов энергии этого распада.

Поэтому не только Россия, но и весь мир переживает очень сложный период с пока еще неясными последствиями во времени и пространстве. *Одно уже ясно: этот мир уже никогда не будет прежним.* Все еще разобщенные по своим узким направлениям деятельности ученые и политики, до сих пор не разработавшие необходимого теоретико-методологического инструментария для междисциплинарного изучения предвидимого будущего, вряд ли смогут предложить какой-либо более рациональный прогноз посткатастрофного мироустройства.

Под растущим давлением односторонних мер по максимальной изоляции людей друг от друга в большинстве стран, пораженных пандемией, их ежедневная среда обитания и правила

поведения в ней начинают быстро сжиматься. Если эта политика изоляции и самоизоляции продолжится в течение нескольких месяцев, принципы рыночной экономики и ее правила и нормы начнут быстро разрушаться. Особенно это касается так называемого «потребительского образа жизни». Пандемия, как и любая другая критическая ситуация, означает, что все национальные и глобальные институты будут работать в режиме мобилизации. Однако возникновение нелегального (теневого) рынка и растущее число нарушений режима самоизоляции и других ограничительных мер означает, что эти меры не могут продолжаться очень долго. В противном случае население начнет быстро терять свой социальный капитал.

Отсюда актуальная задача глобального научного сообщества — не только предупреждать мир о возможных глобальных катастрофах и их последствиях и разрабатывать превентивные меры, но и служить катализатором формирования нового общественного устройства, способного предвидеть свое близкое и отдаленное будущее. Эта задача тем более актуальна, потому что люди вследствие своей тяги к изобретению чего-то совершенно нового, но, главное, неизвестного, но такого, что может потрясти весь мир, действительно все время изобретают что-то новое и все более разрушительное. Посмотрите любой из современных американских блокбастеров, и вы увидите, что я прав.

Список литературы

- Бек У.* 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Бек У.* 2001. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая ред. и предисл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция. 304 с.
- Бартош А.* 2018. Ускорители гибридной войны. «Цветные революции» вызываются ментальным вирусом // Военно-промышленный курьер, № 46 (759) [Электронный ресурс] URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/46584> (дата обращения: 01.05.2020).

- Бартош А.* 2019а. Какой будет стратегия противостояния в XXI веке? // Независимое военное обозрение. № 1 (1029) [Электронный ресурс] URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-01-11/1_1029_strategy.html (дата обращения: 01.05.2020).
- Бартош А.* 2019b. Поединок стратегических культур. Независимое военное обозрение, № 1 (1033) [Электронный ресурс] URL: https://vpk.name/news/245542_poedinok_strategicheskikh_kultur.html (дата обращения: 01.05.2020).
- Миронов Б. Н.* 1999. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин». 583 с.
- Степанский А. Д.* 1980. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. Учебное пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ. 95 с.
- Степанский А. Д.* 1982. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. Пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ. 90 с.
- Яницкий О. Н.* 2012. Семейная хроника. 1852–1902. М.: Таус. С. 271.
- Keen D.* 2008. Complex Emergences. Cambridge: Polity Press. 216 p.
- Murphy R.* 2009. Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press. 406 p.
- Schmidt V.* 1924. Psychanalytische Erziehung in Sowietrussland. Leipzig, Zurich, Wien: Internationaler Psychanalytische Verlag. 75 p.
- Yanitsky O.* 2014. Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research, 2(3), P. 112–118.
- Yanitsky O.* 2019. Hybrid Wars, Their Essence and Social Consequences URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7048> (дата обращения: 20.05.2020)